

АЗБУКА
БЕСТСЕЛЛЕР

Триш Кук

ПОЛНОЧНОЕ СОЛНЦЕ

Роман

Санкт-Петербург

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44
К 89

Trish Cook
MIDNIGHT SUN
Copyright © 2018 by Full Fathom Five
and Midnight Sun, LLC
All rights reserved

Перевод с английского Марии Николенко

Серийное оформление Вадима Пожидаева

Оформление обложки Виктории Манацковой

ISBN 978-5-389-13164-4

© М. Николенко, перевод, 2018
© Издание на русском языке,
оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“, 2018
Издательство АЗБУКА®

Глава 1

В диснеевских мультиках героиня всегда преодолевает серьезные препятствия, прежде чем находит своего принца, а потом они «живут долго и счастливо». Например, Рапунцель в «Запутанной истории», помните? Ее похищают и запирают в башне, а как сбежишь, если за тобой тянется коса длинной в семьдесят футов? Или возьмем Анну из «Холодного сердца». Ее родители погибли, и некому было помочь ей справиться с магической снежной силой. А русалочка Ариэль? Она мечтает превратиться в земную девушку, и мечта ее сбывается, но за пару ножек Ариэль расплачивается своим прекрасным голосом, а значит, не может ни поговорить с парнем, в которого влюблена, ни заморозить его песней. Плюс ко всему у нее проблемы с отцом: у того страшно испортился характер, с тех пор как маму убил пират.

Ну и у меня то же самое. Не совсем, конечно, но вроде того. Я нарочно вспомнила героинь мультиков, чтобы вам легче было представить мою ситуацию. Провела культурную аналогию. Думаете, я ботаник? Да, я люблю занятия по английскому, и вообще мне нравится учиться. А беда моя в том, что у меня редкое генетическое отклонение — пигментная ксеродерма, или ПК. Мой организм, по сути, не справляется с ущербом, который наносят ему ультрафиолетовые лучи. Если я выйду на солнце, это может обернуться раком кожи, потерей слуха или умственных способностей. Мне станет трудно глотать, ходить и вообще двигаться. Я могу потерять дар речи, забиться в припадке и даже умереть. Поэтому в светлое время суток я сижу дома, как Рапунцель в башне под тяжестью длинных волос. Рапунцель в конце концов становится неспособна, и она сбегает с каким-то типом. Прекрасно ее понимаю.

К тому же я сирота, как и многие сказочные героини. Правда, отец, слава богу, жив. А мамы нет. Она погибла в автокатастрофе, когда мне было семь лет. Папа изо всех сил старается заменить мне ее. Не знаю, что бы я без него делала. Если бы у меня были сверхспособности, остудила бы солнце

и стала бы свободно передвигаться по миру. Думаю, я похожа на тебя, Анна.

Хотя нет, погодите-ка. Как и Ариэль, я люблю петь, но обстоятельства не позволяют мне делать это тогда, когда больше всего нужно или просит душа. По очевидной причине я не хожу в обычную школу, не могу записаться в хор или акапельную группу, не могу участвовать в ежегодных постановках мюзиклов. Сама я считаю, что у меня хороший голос. И папа тоже так думает. Но его послушать, так я все делаю просто потрясающе, лучше всех на свете. Он, конечно, необъективный критик, а за объективной оценкой мне обратиться не к кому. Правда, иногда я играю и пою на нашей маленькой железнодорожной станции, но в то время, когда мне можно выходить, там бывает пусто и темно, как в мертвом сердце морской ведьмы Урсулы. Поэтому я сама себе аккомпаниатор и сама себе слушатель. Откуда мне знать, есть у меня настоящий талант или нет?

В общем, я хочу сказать вот что. У меня, как и у сказочных принцесс, проблем хватает. Но я, как и они, буду верить и бороться. Тогда для меня тоже наступит счастливый финал. Может, моя жизнь окажется короче, чем у других, но это не значит, что она будет менее яркой.

Глава 2

Ну вот. Опять меня понесло. Из-за этой своей болтливости я порой попадаю в неприятные истории. Скоро сами увидите. Но расскажу все по порядку. Итак, привет! Меня зовут Кэти. Если бы вы заглянули снаружи ко мне в комнату... хотя на самом деле этого сделать нельзя, потому что у нас на всех стеклах специальное солнцезащитное покрытие, не пропускающее в дом ни капли ультрафиолета. Так вот, если бы вы могли ко мне заглянуть, я бы, наверное, показалась вам бедненькой больной девочкой, которая все время пялится в окно. Смотрит, как жизнь проходит мимо. Но я такая же, как другие люди. Просто на солнце выходить не могу.

Я играю на гитаре, пишу стихи, сочиняю музыку и сама балдею от того, как хорошо у меня получается петь в ванной. Интересуюсь астрономией, мечтаю стать астрофизиком. Терпеть не могу брюссельской капус-

ты, люблю китайскую кухню, обожаю мопсов: по-моему, они самые милые собачки в мире! Ужасно боюсь пауков. Мою лучшую подругу... Ладно, мою единственную подругу зовут Морган. Кроме нее и отца, я ни с кем по-настоящему не общаюсь. Она круче всех! Если не согласитесь с этим, ждите от нее пинка под зад.

Да! Еще я со страшной силой влюбилась в парня по имени Чарли. Он ходит в бассейн мимо моего окна, и я каждый день смотрю на него с тех самых пор, как мне поставили диагноз и заперли дома, — это случилось в первом классе. Чарли рос на моих глазах и с каждым годом становился все симпатичнее. Сейчас он заканчивает школу. Высокий, худощавый. У него чудесные волосы, он так небрежно встряхивает ими, а глаза... Глаза могут растопить айсберг быстрее глобального потепления. Только одно мне в нем не нравится: он не подозревает о моем существовании. Должно быть, это звучит слегка сопливо. Ну и пусть. Что тут поделаешь? У меня редкое заболевание, которое дико осложняет жизнь. Я не могу выйти утром на улицу и как бы случайно встретиться с Чарли, потому что тогда солнце зажарит меня до смерти. Мне позволительно немножко распустить нюни.

Кстати, сегодня я, может быть, сделаю то, о чем раньше и подумать не могла. Правда, пока не знаю как. Допустим, постучу в стекло, когда увижу Чарли, — главное, чтобы папа в этот момент на меня не смотрел. Предложу подняться в мою комнату — только бы папа не пошел следом. Ха! Мечтать не вредно... А потом я проведу рукой по чуждым волосам Чарли. И поцелую его.

Ну да, да! Этого никогда не произойдет. Знаю. Но я, по крайней мере, могу смотреть ему вслед, пока он не скроется за деревом, которое выросло в таком неудачном месте. А когда появятся звезды, я попрошу у них всего самого хорошего для Чарли. Пусть он благополучно окончит школу и начнет новую увлекательную жизнь. Пусть исполнятся все его желания. Он этого заслуживает. Все мы этого заслуживаем. Я, увы, не получу того, чего хочу больше всего... то есть нормальной жизни у меня никогда не будет, и с этим придется смириться... но Чарли во всем должно повезти. Очень надеюсь.

Открываю ноутбук и включаю трансляцию выпускного, который мог быть моим, если бы все эти годы я не просидела на домашнем обучении. Школьный уровень я, конечно, уже переросла и даже успела на-

брать зачетных баллов не меньше, чем у студентки второго курса. Мне нравится учиться. К тому же в моем распоряжении гораздо больше времени, чем у других. И все-таки выпускной есть выпускной. Переломный момент в жизни большинства людей. Последнее ура перед новым этапом. Ну а для меня перемен не предвидится. Все останется по-старому. Я, как и раньше, буду брать уроки онлайн и всячески избегать солнца, вместо того чтобы поехать в какой-нибудь сказочный университет, где должна была бы учиться. И все-таки я вздыхаю, прощаясь со школьными годами.

Директор называет имена, и ребята один за другим выходят на сцену, чтобы пожать ему руку. В другой руке у них новенькие аттестаты. Вот и Морган получила свой. Вместо того чтобы спуститься, она подходит к камере, встает в позу и одними губами произносит: «Видали, суки?!» Ее быстро возвращают в строй, но я уже успела расхохотаться до икоты.

С нетерпением жду, когда дойдут до буквы «Р». Ра... Ре... Рид! Наконец-то названо имя Чарли! Я уже предвкушаю, как вот-вот увижу его в мантии, красивого и торжественного. Представляю себе, как чудесные глаза посмотрят в объектив из-под четы-

рехугольной шапочки. Но в эту самую секунду в комнату врывается мой отец.

— Кэти Прайс! — грохочет он.

На лице у него дурацкая улыбка, а в руке свернутый в трубочку лист. «Уф! Давай не сейчас, ладно?» — фыркнула бы на моем месте другая девчонка, но я только смеюсь. Ведь я понимаю: папа пытается сделать так, чтобы мне было весело и я не чувствовала себя отрезанной от сверстников. Как водится, он перестарался, но огорчать его мне не хочется. Не он же виноват, что я сижу на кровати, а не стою на сцене вместе с одноклассниками.

Хотя нет. В некотором смысле он виноват. И мама тоже. У них обоих был рецессивный мутировавший ген, из-за которого развилась моя болезнь. Но они не нарочно передали его мне.

— Чего это ты вырядился?

— Так положено всем преподавателям и выпускникам, — отвечает папа, подавая мне шляпу.

Я беру ее и надеваю. Отец протягивает мне от руки заполненный аттестат. Теперь я выпускница средней школы, прошедшая курс обучения на дому. В сноске даже указано, что мною набрано двадцать четыре вузовских зачетных балла. Я улыбаюсь папе

и жму его руку. В такие минуты я особенно ценю то, как хорошо он меня знает. Он понимает, насколько для меня важны успехи в учебе. Ведь приобретение знаний — это то немногое, в чем солнце не может мне помешать. И я хотела бы выделяться среди других умом, а не только болезнью, которая поражает одного человека из миллиона. Папе не нужно этого объяснять.

— Как лучшая ученица выпуска, вы, вероятно, подготовили прощальную речь? — спрашивает он.

Я поправляю на голове шляпу и думаю, что бы сказать по случаю этого дня, который, если честно, не такой уж и особенный.

— В первую очередь я бы хотела выразить признательность директору школы, — начинаю я.

— Не стоит благодарности, — говорит папа, и глаза его весело поблескивают.

— Спасибо преподавателю испанского языка...

— *De nada*¹. — Отец дотрагивается до полей воображаемой шляпы.

— И преподавателю английского языка...

¹ Не за что (*исп.*). — Здесь и далее примеч. перев.

Папа делает легкий поклон:

— Учить вас было одно удовольствие!

— А еще я официально заявляю: учитель гимнастики не ведал, что творил.

Отец прижимает руку к сердцу:

— Нечестный ход! Я собирался вручить тебе это, но теперь...

Он машет у меня перед носом открыткой, а когда я пытаюсь ее схватить, отдергивает руку. Я пожимаю плечами, как будто мне ничуть не интересно. Он признает поражение и, бросив конверт мне на колени, плюхается рядом со мной на кровать. Я достаю огромную открытку с банальной мультяшной звездочкой в шляпе выпускника. Цветистая надпись, сделанная тем шрифтом, который используют в комиксах, гласит: «На STARt взрослой жизни!» Я закатываю глаза:

— Никогда не видела более дурацкой открытки!

— Знаю, — кивает отец без улыбки. — Три магазина обошел, чтобы найти такую. Готова получить подарок?

Это неожиданность! Я хлопаю себя ладонью по рту и, не убирая пальцев, спрашиваю:

— Какой?

Отец вскакивает и выбегает в коридор, а через секунду возвращается с потертым гитарным футляром, к которому прилеплен красный бантик. Внутри самый замечательный инструмент из всех, какие я когда-нибудь видела. Корпус, темный по краям и светлый в центре, украшен перламутровым орнаментом. Я беру гитару и легко провожу рукой по гладкой поверхности, пока пальцы не натыкаются на маленькую неровность. Оказывается, это инициалы: «Т. Дж. П.».

— Мамина? — спрашиваю я, расширив глаза.

Папа кивает:

— Та, детская, уже маловата для тебя. — Он показывает в угол, где висит гитарка, на которой я играю, сколько себя помню. — Но эта, конечно, старая. Если хочешь поновее...

Я покачала головой, не дав ему закончить. Чушь какая-то. Мамина гитара — все равно что частичка ее самой, которая теперь всегда будет со мной. Мне показалось, что брешь, оставленная маминой смертью в моем сердце, стала чуть-чуть меньше. Хотя полностью она, наверное, никогда не зарастет.

— Какая красивая... Спасибо!

Папа обнимает меня, я обнимаю его. Несколько секунд мы сидим, прижавшись друг к другу, и оба чуть не плачем. Наконец я высвобождаюсь. Воцаряется неловкое молчание.

— Ну ладно... Постарайся уснуть, — говорит отец, целуя меня в лоб. — Я горжусь тобой, Орешек.

Еще совсем светло, но тому, кто может выходить на улицу только ночью, имеет смысл спать днем. Я не жалею: большинство моих ровесников мечтают о таком распорядке. Я это точно знаю, ведь очень многие подростки выходят в Интернет именно в ночные часы, и совсем не потому, что у них такая же проблема, как у меня.

Гуляя в «Фейсбуке», «Снэпчате», «Инстаграме» и блогах, я вижу: ребята моего возраста стараются жить так, чтобы ничего не пропускать. Они боятся оказаться в стороне. Ну а я иногда думаю, что можно бы познакомиться с кем-нибудь, если у нас на первый взгляд много общего. Иногда добавляю комментарии. Но сама никогда ничего не выкладываю и никому не посылаю личных сообщений. Будет ужасно неловко и обидно, если человек, с которым я связалась, отреагирует на мою болезнь так же, как дети в начальной школе.

Хуже всех была девочка по имени Зои Кармайкл. Когда мне поставили диагноз, она пустила слух, что я вампир. Ну и началось. Меня все стали бояться, приклеили мне кличку Кровоопийца. Никто, кроме лучшей подруги Морган, больше не разговаривал со мной. Потом мы с папой начали выезжать в соседние города, чтобы посмотреть кино и поесть мороженого. Там не нужно было терпеть таких, как Зои, которая показывала на меня пальцем, если вечером мы отваживались выйти на прогулку. Эта традиция сохранилась до сих пор, так что можете представить, какие неизгладимые впечатления я тогда получила.

Вот почему я предпочитаю все знакомое и не ищу новых друзей. Не хочу подпускать к себе тех, кто будет надо мной издеваться. Сегодняшний день не исключение. Вместо того чтобы погрузиться в мир, в котором активно живут мои сверстники, я засыпаю в обнимку со своей чудесной старой новой гитарой.

Мой «ночной» сон прерывает шум за окном: машины гудят, девчонки и парни гикают, все веселятся. В этом могла бы участвовать и я, если бы у Морган были хорошие отношения с кем-нибудь из класса. А она

ни с кем не дружит. Особенно плохо они ладят с Зои, с чьей легкой руки меня прозвали Кровоопийцей. Морган говорит про нее: «Она все такая же стерва с поганым языком. Удивляюсь, как она до сих пор не схлопотала по своей противной физиономии. При ее-то загрязненной карме!» Ну так вот. Если моя подруга сегодня ни к кому не идет праздновать, то и я не иду.

Вот как выглядела бы
вечеринка без Морган:

Зои. Ты кто такая?

Я. Я... Э-э-э...

Подпевала Зои. Ты здесь вообще училась?

Я. Так вышло, что... училась я дома... Такие обстоятельства... Но если бы не они, я бы сегодня тоже была на выпускном в этой школе.

Зои (пристально меня разглядывает). Погоди. Я вспомнила. Ты Кровоопийца, верно?

Подпевала Зои вопит как резаная. Потом воцаряется тишина. Все хватаются за шеи, пытаясь защититься от моего укуса. Я смываюсь домой, чтобы в папиной компании заесть обиду ужином из китайского ресторана.

Как видите, без Морган мне идти нельзя. А она уперлась и бубнит: «На кой мне сдались эти фифы и мажоры! Видеть их не хочу! Особенно язву Зои Кармайкл». И все-таки мне кажется, что хорошо было бы отпраздновать окончание школы вместе со всем классом. От Зои и ее компании мы бы просто держались подальше. Есть ведь, наверное, и неплохие ребята. По крайней мере, должны быть. Хотя бы несколько. Разве не так?

Вот как выглядела бы
вечеринка с Морган:

Зои. Ты кто такая?

Я. Я... Э-э-э...

Морган. Моя лучшая подруга. И потрясающая девчонка, какой тебе никогда не стать.

Подпевала Зои. Она здесь вообще училась?

Я. Так вышло, что...

Морган (закрывает мне рот рукой). Ты сама-то в школе появлялась раз в месяц, еле-еле аттестат получила! Молчала бы лучше!

Зои (пристально меня разглядывает). Погоди. Я вспомнила. Ты Кровопийца, верно?

Морган (раньше, чем я успеваю что-нибудь произнести в свою защиту). Совершенно верно. Еще одно слово — и ты зомби.

Мы идем играть в пиво-понг, я встречаю Чарли Рида, между нами вспыхивает бешеная любовь. А папа даже не подозревает, что я пошла на вечеринку, вместо того чтобы сидеть дома у Морган и смотреть фильм, как собиралась.

Вздыхнув, я сбрасываю с себя одеяло. Мой взгляд падает на гитару, и я решаю пойти на станцию. Попробовать сыграть несколько новых песен. Буду петь одна. Сама для себя. Осталось только папу уговорить, чтобы разрешил.

Надеюсь, он понимает, как мне сейчас нужна свобода. Годами отец водил меня туда, куда дети обычно ходят с друзьями: в кино, в торговый центр, в боулинг, в кафе есть йогуртовое мороженое. Все это только доказывает, что моя болезнь сделала меня очень стремной. Конечно, папа из кожи вон лезет, чтобы я жила нормально, и я ему благодарна, и все-таки, как бы он ни старался, моя жизнь ненормальна и никогда нормальной не будет. Даже если он оставляет меня в кинозале одну, чтобы я его не стеснялась, а сам идет на другой фильм, ничего

от этого не меняется. Кто в моем возрасте будет смотреть кино без компании? Правильно, только суперстремный лузер или я. Для большинства окружающих это одно и то же. Но сегодня я хочу быть просто Кэти — обычной девчонкой, которая не страдает редким заболеванием и за которой беспокойный отец не ходит как хвост.

Кое-как собрав волосы в пучок, я беру гитару и спускаюсь по лестнице. Заглядываю в отцовскую каморку. Пусто. Заглядываю на кухню: может, папа решил перекусить. Нет, и там никого. Осталось только одно место. Я спускаюсь в подвал. Из щели под дверью папиной фотолаборатории сочится свет. Я стучу.

— Входи! — отвечает папа.

Я перешагиваю порог, и в нос мне ударяет сладковато-горький запах. Стены лаборатории увешаны снимками для журнальных обложек, которые отец сделал в разных экзотических местах. Вот улица в индийских трущобах, вот айсберг, вырастающий из бурного серого моря, вот жираф бродит один по пустынной саванне. Эти фотографии — привет из прежней папиной жизни. Я горжусь тем, чем он раньше занимался, и мне жаль, что из-за моего «состояния» мы

не можем больше путешествовать и он впус-
тую тратит свой талант, сидя в нашем вши-
вом городишке.

На бельевой веревке висят новые сним-
ки. Несколько пейзажей и куча моих пор-
ретов. На одних я выгляжу естественно,
для других папа уговорил меня позировать.
Вот последняя фотография, сегодняшняя:
я играю на маминой гитаре. На остальных
снимках я себе не нравлюсь, но здесь, по-
моему, я получилась хорошо.

— Вот эта удачная, — говорю я.

Папа указывает на мое лицо, склонен-
ное над великолепным инструментом:

— Только девчонка тут какая-то стран-
новатая.

Я шутливо тычу его кулаком в плечо,
он, смеясь, увертывается. Хорошо, что отец
сейчас немного расслабился: проще будет
уговорить его, чтобы отпустил меня одну и
не увязывался следом. Разве можно полу-
чить правдивый отклик на свои песни, ко-
гда рядом стоит папочка?

— Такую прекрасную модель трудно
снять неудачно, — произносит отец.

Я подхожу, чтобы поглядеть на свою лю-
бимую фотографию: пакистанские девоч-
ки в школьной форме стоят перед обшар-
панным зданием.

— Вот где действительно прекрасная натура, — говорю я, оборачиваясь. — Тебе, наверное, не хватает всего этого...

— Бесконечных командировок? — фыркает папа. — Это было сплошным мучением.

Когда он возится в своей лаборатории, его движения легки и красивы. Можно подумать, что нет ничего проще, чем делать и проявлять такие потрясающие снимки. Но я-то знаю правду: если бы он не был трудягой, не стал бы одним из самых востребованных фотографов в мире. На лице у меня написано: «Брось! Ты же знаешь, что я все равно не поверю!» Папа это замечает и, кивнув на фотографию, перед которой я стою, продолжает гнуть свое:

— Я серьезно. Там, в Пакистане, у меня украли багаж, и я целую неделю ходил в одном и том же. Ночевал у своего гида на полу — без матраса, без одеяла. От холода не мог заснуть. Просто лежал и ждал, когда встанет солнце.

Что бы он ни говорил, я вижу, как светятся его глаза. Естественно, он скучает по той жизни. Любой на его месте скучал бы. Я бы все отдала, чтобы иметь возможность поехать куда захочу и увидеть то, чего на самом деле никогда не увижу. А хуже всего,

что и папа из-за меня вынужден отказываться от своей мечты.

— Мне гораздо больше нравится ночью спать в собственной постели, а днем учить молодых паршивцев не бояться грязи.

— Ну ты и врун!

Папа смотрит на меня так, будто маска никогда не унывающего оптимиста, которую он носит ради меня, вот-вот спадет. Но нет, он вовремя берет себя в руки. Да уж, открывать эту банку с червями не имеет смысла, ничего хорошего оттуда не выудишь, и все-таки я хочу когда-нибудь открыто поговорить с папой о том, как моя ПК изменила почти все в нашей жизни. И не в лучшую сторону.

— Что-то случилось? — спрашивает он.

Я делаю глубокий вздох и быстро все выкладываю. Чем труднее ему будет вставить слово, тем меньше вероятность, что он скажет «нет». Мой вопрос: «Я тут подумала... Не отпустишь ли ты меня на станцию опробовать мой выпускной подарок?» — прозвучал так: «Я тут подумала не отпустишь ли ты меня на станцию опробовать мой выпускной подарок?» В заключение я прибавила широкую улыбку, которая означала: «Я уже не школьница, я самостоятельна и уверена в себе. Вполне могу сама пройти полмили

до станции, чтобы сыграть несколько песен для тех, кто задержался на работе. Может, и народу совсем не будет, разве что Фред, которого ты знаешь с детства. Поэтому не беспокойся за меня, все будет хорошо, обещаю. Только, пожалуйста, не говори, что тоже пойдешь!»

Папино лицо опадает, как испорченное суфле. Он постукивает пальцем по часам. Видимо, мы с ним за последние годы слишком много пересмотрели ужастиков и это не обошлось без последствий для его психики. Уж и не знаю, какие такие страшные опасности он себе воображает, но вообще-то у нас в городишке преступность почти нулевая. Со мной ничего не может случиться, но папа не хочет этого признавать и ищет какой-нибудь предлог, чтобы отказать мне.

— Уже десять. Может, Морган составит тебе компанию? Или поиграешь здесь, для меня?

Выступить перед своим самым большим фанатом — это, конечно, здорово. Какую бы песню я ни спела, реакция одна и та же: «В жизни ничего подобного не слышал!» Или: «Первая строчка хит-парада!» Но мне хочется иметь больше одного слушателя, и желательно, чтобы аудитория не была за-

Кук Т.

К 89 Полночное солнце : роман / Триш Кук ; пер. с англ. М. Николенко. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2018. — 288 с. — (Азбука-бестселлер).

ISBN 978-5-389-13164-4

У Кэти Прайс редкая болезнь, при которой малейшая доза ультрафиолетового облучения может оказаться смертельной. Выходить из дому в дневное время девушка не может, поэтому весь круг ее общения — это отец и единственная подруга. Кэти увлекается музыкой и мечтает о том, чтобы ее песни услышал весь мир.

В тот вечер, когда сверстники Кэти веселятся на выпускном балу, ее судьба совершает крутой поворот. Девушка с гитарой отправляется на опустевшую железнодорожную станцию, и там ее пение привлекает внимание Чарли Рида — молодого красавца-спортсмена, в которого она тайно влюблена вот уже несколько лет. Так сплетаются две судьбы, чтобы провести под звездами почти идеальное лето.

Щемящий сердце рассказ о любви, утрате и чудесном неповторимом лете в романе Триш Кук и в кинофильме с Беллой Торн и Патриком Шварценеггером в главных ролях!

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-44

Литературно-художественное издание

ТРИШ КУК
ПОЛНОЧНОЕ СОЛНЦЕ

Ответственный редактор Геннадий Корчагин

Редактор Янина Жухлина

Художественный редактор Виктория Манацкова

Технический редактор Татьяна Раткевич

Компьютерная верстка Ольги Варламовой

Корректоры Валерий Камендо, Лариса Ершова

Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 20.02.2018. Формат издания 84 × 100 ¹/₃₂.

Печать офсетная. Тираж 5000 экз. Усл. печ. л. 14.

Заказ № .

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1

Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
04073, г. Киев, Московский пр., д. 6 (2-й этаж)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».

170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

НАВА2131301R

Издательская Группа «Азбука-Аттикус»

В состав Издательской Группы «Азбука-Аттикус»
входят известнейшие российские издательства:
«Азбука», «Махаон», «Иностранка», «КоЛибри».
Наши книги — это русская и зарубежная классика,
современная отечественная и переводная
художественная литература, детективы, фэнтези,
фантастика, non-fiction, художественные
и развивающие книги
для детей, иллюстрированные энциклопедии
по всем отраслям знаний,
историко-биографические издания.
Узнать подробнее о наших сериях
и новинках вы можете на сайте
Издательской Группы «Азбука-Аттикус»

<http://www.atticus-group.ru/>

Здесь же вы можете прочесть отрывки
из новых книг, узнать о различных мероприятиях
и акциях, а также заказать наши книги через
интернет-магазины.

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ
ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве:

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (495) 933-76-01,

факс: (495) 933-76-19

e-mail: sales@atticus-group.ru;

info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге:

Филиал ООО

«Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (812) 327-04-55,

факс: (812) 327-01-60

e-mail: trade@azbooka.spb.ru

В Киеве:

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»

Тел./факс: (044) 490-99-01

e-mail: sale@machaon.kiev.ua

Информация о новинках и планах на сайтах:

www.azbooka.ru,

www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей
и творческого сотрудничества

размещена по адресу:

www.azbooka.ru/new_authors/